О.П. Еланцева, Ван Юе*

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ ВОСТОКОВЕДА М.И. СЛАДКОВСКОГО (ПО ДОКУМЕНТАМ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО УНИВЕРСИТЕТА 1924–1930 гг.)

В статье рассматриваются студенческие годы будущего академика-китаеведа М.И. Сладковского, проведенные в Дальневосточном университете во Владивостоке. Анализируя исторические свидетельства тех лет – заявления, ходатайства, анкеты, авторы уточняют и дополняют историю профессионального становления известного ученого.

Ключевые слова: китаеведение, Дальневосточный университет, М.И. Сладковский, студенческие годы

Archival documents on the student years of Mikhail Sladkovsky in the Far Eastern University, 1924–1930. OLGA P. ELANTSEVA, WANG YUE (Far Eastern Federal University)

The article deals with the student years of a future academician and prominent specialist in Chinese studies Mikhail Sladkovsky, who graduated from the Far Eastern University in Vladivostok. Analyzing various minor historical evidence of those years such as statements, petitions, questionnaires, the authors clarify and restore the history of his professional development.

Keywords: Chinese studies, Far Eastern University, M.I. Sladkovsky, student years

В 2019 г. исполняется 120 лет с того времени, когда вузовское китаеведение пришло во Владивосток. В этой связи вполне обоснованным является обращение к его истории, к тем, кто получил профессиональную подготовку китаиста в Восточном институте (1899–1920 гг.) или на восточном факультете ГДУ–ДВГУ (1920–1939 гг.).

Среди выпускников китайского отделения Дальневосточного университета 1930 г. был Михаил Иосифович Сладковский, в будущем – академик, директор Института Дальнего Востока Академии наук СССР. Его деятельность высоко оценивается как в России, так и за ру-

бежом [10, с. 621, 654, 673, 684 и др.]. Китаевед, академик РАН М.Л. Титаренко называл М.И. Сладковского среди своих выдающихся учителей и коллег по работе [7, с. 494]. Он отмечал, что Михаил Иосифович имел «глубокое знание Китая», являлся «опытным, знающим, заслуженным китаистом» [7, с. 521]. Не менее весомо мнение академика РАН С.Л. Тихвинского: он относил Сладковского к крупнейшим классикам отечественного (российско-советского) востоковедения [8, с. 360].

Начальный этап профессионального становления М.И. Сладковского, совпавший с его сту-

* ЕЛАНЦЕВА Ольга Павловна, доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

ВАН Юе, аспирант Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: 3172084817@qq.com

© Еланцева О.П., Ван Юе, 2019

денческими годами, нашел незначительное отражение в исследовательской литературе. Как правило, в ней встречаются лишь упоминания об учебе М.И. Сладковского в Дальневосточном университете во Владивостоке [1, с. 45; 2, с. 211, 572; 7, с. 245; 9, с. 57; 11, с. 144 и др.]. Более подробная информация по интересующему нас вопросу содержится в публикациях самого академика Сладковского, подготовленных в середине 1970-х – начале 1980-х гг. Они носят автобиографический характер и рассказывают о поступлении на восточный факультет университета, о первых вузовских впечатлениях, о преподавателях и студентах, их общественной деятельности [4, с. 39–85; 5, с. 148–152], а также о прохождении студенческой практики в Шанхае и Харбине в 1926 г. и 1927 г. [4, с. 104–121; 6, с. 169–178] и т. д. Благодаря архивным документам Дальневосточного университета и опубликованным материалам в данной статье удалось восстановить важные детали и дополнить историю профессионального становления ученого-китаеведа.

Путь М.И. Сладковского во Владивосток во многом был определен школьными годами. Аттестат, сохранившийся в личном деле студента Дальневосточного университета и датированный 28 июня 1924 г., утверждал, что за время учебы Михаил не только показал «соответствующие требованиям школы познания» по основным предметам программы – русскому языку, истории, алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, химии, минералогии и геологии, географии и другим дисциплинам, но и «обнаружил особую работоспособность» (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 31об.).

За официальными словами об «особой работоспособности» юноши стояло преодоление распространенного в те годы явления – крайней нужды. Не случайно раздел в книге «Знакомство с Китаем и китайцами», касавшийся после революционной ситуации в Амурской области, М.И. Сладковский дал под названием «Тяжелые годы» [4, с. 27–30]. В семье Сладковских, состоявшей из семи человек, на производстве трудился только один – отец. Во время гражданской войны и иностранной военной интервенции старший брат и отец были мобилизованы в армию. «Я, пятнадцатилетний юноша, – замечал Михаил, – остался кормильцем семьи» [4, с. 28].

Бедность мешала получению образования. В анкете, заполненной в ГДУ осенью 1924 г.,

Михаил Сладковский отвечал положительно на вопрос, были ли перерывы в учебных занятиях, и пояснял, что он «с сентября 1920 г. по май 1921 г. работал в ремонте телеграфа; ... с 1 июня 1922 г. по 1 августа 1923 г. работал в ремонте железнодорожного пути» (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 49–50). В названной выше монографии М.И. Сладковский подтверждал факт одновременной работы и учебы, нерегулярное посещение школьных занятий в вечерние часы, хотя и указывал иной период: «С ранней весны 1923 года и до лета 1924 года, я совмещал учебу в школе с черновой работой в железнодорожных мастерских, на вокзалах». В артели на разъезде Ольгохта Михаил подружился с «бывшим хунхузом» Ваном, что усилило интерес молодого человека к Китаю и китаеведению [4, с. 28, 33, 35].

Успехи Сладковского в освоении школьных предметов общественно-политического цикла, склонность к комсомольской работе и искреннее желание стать активным участником создания нового общества (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 18, 31об.) дали основания уездному комитету Российского коммунистического союза молодежи (укому РКСМ) и дорожному профсоюзу направить Михаила на месячные педагогические курсы в Хабаровск. После их окончания Сладковского командировали во Владивосток на должность учителя младших классов школы-семилетки, располагавшейся в районе Первой речки¹. В ней он прослужил с 1 сентября 1924 г. по 1 января 1925 г. (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 44). В первые дни своей трудовой деятельности учитель М.И. Сладковский обратился к директору школы за разрешением поступить в университет и получил поддержку – полное одобрение планируемого шага и недельный отпуск для сдачи экзаменов [4, с. 39].

В 1924 г. вступительные экзамены для всех факультетов Дальневосточного университета (технического, агрономического, педагогического и восточного (с китайским и японским отделениями)) были общими. После успешного прохождения двух первых испытаний следовал выбор факультета. Вот как вспоминает о своем решении сам М.И. Сладковский: «...У меня колебаний не было. В дни экзаменов я встретил комсомольцев Шуру Лысых, прибывшего из Харбина, где его отец работал на КВЖД, и Ваню Шишкина, выдававшего себя за бывало-

¹ В 1920-е гг. этот район считался пригородом Владивостока.

го моряка торгового флота, уже якобы побывавшего в Гонконге. Все трое мы считали себя в какой-то степени знакомыми с Китаем, с китайцами, и каждый из нас знал несколько десятков обыденных китайских слов. Мы могли по-китайски поздороваться, попрощаться, спросить фамилию, адрес или назвать некоторые предметы обихода. Со стороны казалось, что мы «зрелые» китаисты, и поэтому наше решение о поступлении на китайское отделение Восточного факультета было убедительным» [4, с. 39].

Сохранилось заявление М.И. Сладковского, написанное 9 сентября 1924 г. в адрес «Приемочной комиссии» при Дальневосточном государственном университете (Приложение 1). Штамп на первой странице заявления с вписанным в него текстом свидетельствует: 10 октября 1924 г. М.И. Сладковский был зачислен студентом.

В течение обучения в Дальневосточном университете Сладковский неоднократно бывал в Китае, в том числе в 1926 г. в Шанхае. Об этом через много лет он достаточно подробно рассказал в своих публикациях [4; 6], считая эту поездку одним «из ярких, навсегда запомнившихся периодов» своей жизни [4, с. 102]. Вместе с тем удалось выявить любопытные архивные документы, позволяющие оттенить эти важные моменты в становлении профессионального китаевода. Например, заблаговременное, но далеко не простое решение организационных вопросов, связанных с командировкой. Еще в декабре 1925 г. стало известно о том, что в Китай, вслед за выехавшим туда студентом В. Войлошниковым, будут направлены и другие студенты-китаисты. В феврале 1926 г. объявили, что выбор пришелся на Ивана Шишкина и Михаила Сладковского. Ходатайствуя о выдаче документов, необходимых для загранпоездки, и тот, и другой связывали ее цель со стремлением получить практику по языкам – английскому и китайскому (разговорному и письменному) (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 7, 8). 31 марта 1926 г. Сладковскому было выписано удостоверение Правления университета за № 504 о предоставлении ему *отпуска* (здесь и далее курсив наш. – прим. авт.) до 1 октября текущего года для поездки в Китай (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 11). Итак, речь в документе шла не о *командировке*, а о полугодовом *отпуске*. Данная весьма существенная деталь конкретизирована и в апрельской (1926 г.) расписке Сладковского, студента второго курса китайского разряда восточного факультета:

«Расписка ... дана сия Правлению университета в том, что я еду в Шанхай по собственному желанию и на собственные средства вне плана командировок и никаких материальных требований к университету предъявлять не буду» (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 14).

Сладковский получил стипендию за апрель–сентябрь 1925 г. (всего 150 руб.) и обменял ее в Госбанке на китайскую валюту. Это были весьма скромные деньги, явно недостаточные для пребывания за границей. Но, несмотря на неизбежные в ближайшей перспективе финансовые затруднения, Сладковский не отказался от посещения страны изучаемого языка.

Еще один интересный документ – заявление Михаила Сладковского, написанное им 17 ноября 1926 г. по возвращении во Владивосток (Приложение 2). Причиной появления документа явилось оставление студента Сладковского на повторный курс обучения, так как он не успел вовремя, до отъезда в Китай, сдать зачет по английскому языку; к тому же задержался за границей на месяц с лишним. Ключевой фразой документа можно считать следующую: «Я ехал в Китай не отдыхать, а заниматься». Лаконичный текст заявления раскрывает перипетии, связанные с напряженным ежедневным трудом по пополнению багажа знаний по китаеведению, с поиском источника заработка за границей, с приемом и увольнением с работы в Телеграфном агентстве Советского Союза в Китае. Сладковский подчеркивал, что он совершенно не протестует против решения Правления, но, одновременно, не видит «особенной пользы в своем оставлении» на повторное обучение на втором курсе и просит перевести его на третий курс. В обоснование ходатайства студент-китаист приводил несколько весомых аргументов, в их числе – ликвидированная академическая задолженность. О том, что доводы китаиста возымели действие, говорят пометы на документе: «Просить Правление перевести» от 18 ноября 1926 г.; «Числить студентом 3-го курса» от 22 ноября 1926 г. Обе пометы сопровождались ссылками на протоколы Правления.

Таким образом, документ, составленный Михаилом Сладковским, видимо, имевшие место устные пояснения и успешная сдача зачета по английскому языку убедили преподавателей и студенческий актив востфака и университета в значительном объеме работы, выполненной им в Китае, в достижении поставленной цели поездки – приобретении богатого опыта языковой практики.

Рис. 1. Студент М.И. Сладковский

Многочисленные мелкие письменные свидетельства (просьбы, ходатайства, заявления) и заполненные анкеты, имеющиеся в личном деле Сладковского, позволяют увидеть тяжелые материально-бытовые условия студентов Дальневосточного университета и варианты решения возникших проблем. Так, начинающий китаист Сладковский вынужден был в университете, как и в школьные годы, совмещать учебу и работу. В осеннем семестре первого курса он учительствовал в первореченской школе, затем в течение нескольких лет преподавал во владивостокской Советской партийной школе на китайском отделении. Безусловно, здесь он почерпнул много ценного из области китаеведения: лучше узнал китайцев и их культуру, овладел тонкостями разговорного китайского языка. Однако вознаграждение за указанную работу было скромным и служило лишь маленькой прибавкой к стипендии, которую получали студенты восточного факультета (при условии хорошей успеваемости).

Михаилу Сладковскому на первом курсе выплачивали стипендию в 225 руб. в годовом измерении, а на третьем курсе – 300 руб. или в среднем от 18 до 25 руб. в месяц, что явно не покрывало повседневных потребностей. Данное обстоятельство признавалось Дальневосточным университетом: хотя увеличение числа стипендий способствовало некоторому улучшению материального обеспечения студентов, но в целом положение учащихся ухудшилось в связи с удорожанием жизни [3, с. 32, 55].

Второкурсник Сладковский, добиваясь стипендии, указывал: она составляет главные средства существования, не имея которых, он будет «вынужден бросить занятия» (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 45).

Весьма красноречиво заявление четверокурсника Сладковского (октябрь 1927 г.): «Прошу стипендиальную комиссию дать мне стипендию, в каковой я чрезмерно нуждаюсь. Три предшествующих года я находился на стипендии. В настоящее время нахожусь на последнем, четвертом курсе и думаю, что *мне время дорого больше, чем когда-либо*» (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 47).

31 октября 1928 г. студент-выдвиженец Михаил Сладковский обращался в стипендиальную комиссию при Дальневосточном университете: «В виду того, что размер стипендии в 60 руб. меня удовлетворить не может, так как на моем иждивении находится жена, я поступил на службу в Дальторг. Тем не менее, желая ра-

ботать по выдвижению, я в учреждении остался практиком-стажером. Это мне, опять-таки, дает недостаточную сумму, посему я прошу зачислить меня на 30-[ти] рублевую стипендию». Как видим, возрастающая интенсивность занятий требовала больших затрат времени; от получения стипендии зависело не только продолжение учебы в Дальневосточном университете, но и ее результативность.

Несомненный интерес представляют расходы студентов Дальневосточного университета. Михаил Сладковский указывал в анкете за 1927 г.: ежемесячно на жизнь нужно было иметь минимум 48 руб. Большая часть этой суммы (приблизительно 63%) уходила на питание, около 14% – на оплату жилья с отоплением и освещением (подсчитано по данным: РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 46); добавим к этому, что нужны были деньги на учебники, газеты, письменные принадлежности, посещение кино и театра.

Итак, финансов не хватало, в том числе и на оплату жилья, приходилось искать что-то более подходящее. Неслучайно Михаил Сладковский за время студенчества несколько раз менял место проживания (ул. Пушкинская, д. 25, д. 51, д. 95 и т. д.). Какое-то время он жил в университетском общежитии (ул. Ключевая). Чтобы покрыть расходы на оплату жилья, при его наиме студентам приходилось объединяться. Так, в 1926 г. Сладковский со своими тремя товарищами снимал комнату за 10 руб. в месяц (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 48), то есть по 2 руб. 50 коп. с человека.

Какие-то статьи студенческих расходов, допустим, проезд в каникулярное время по железной дороге, компенсировало государство. В соответствии с просьбами студента-китаиста Сладковского ему практически ежегодно предоставлялись литеры и льготные билеты от Владивостока до места жительства родителей и обратно (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 9, 13, 35, 58).

В личном деле студента имеется еще один весьма любопытный документ – копия свидетельства об окончании Дальневосточного университета. Документ государственного образца позволяет получить сведения о перечне освоенных теоретических курсов. Всего таковых указано 31, среди них – политические, юридические, торгово-экономические дисциплины. Особую группу составляли предметы, связанные с государствами Восточной Азии: гражданское и торговое законодательство, товароведе-

ние, рыноведение, экономическая география и т. д. Безусловно, в университетской программе весьма значительно были представлены дисциплины китаеведческого направления: история социально-экономического и политического строя и общественного движения в Китае, экономическая география Китая, современный политический строй Китая и др. По китайскому языку изучалось около десятка дисциплин: история и анализ китайской иероглифической письменности, сравнительная фонетика китайского наречия, синтаксис и стиль китайского разговорного языка, мандаринская грамматика и чтение относящихся сюда текстов, интерпретация китайских текстов, китайский литературный язык и газетный стиль и др. (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 78, 78об.).

Практические занятия включали семинары по экономической политике СССР, по географии и картографии Восточной Азии и советского Дальнего Востока, а также товароведению и языкам – китайскому и английскому (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 78об.).

Иными словами, из копии свидетельства видно: учеба Михаила Сладковского совпала со временем реализации восточным факультетом Дальневосточного университета новой целевой установки, суть которой состояла в отказе от прежней лингвистической подготовки [3, с. 25] и переходе к подготовке восточников-экономистов [3, с. 8], с конкретными экономическими знаниями, практическим владением английским языком и одним восточным языком. Вот почему «в виду выполнения всех требований учебного плана соответствующей специализации» М.И. Сладковскому была присвоена квалификация экономиста-китаиста (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 78об.).

Наш особый интерес к копии свидетельства объясняется признанием М.И. Сладковского о завершении его университетского поприща в 1928 г. [4, с. 122]. Однако в рассматриваемом документе трижды указываются другие даты: 1930 г. как год окончания Михаилом Иосифовичем курса наук в ДВГУ, 14 июня 1930 г. как дата приказа № 119 директора университета о присвоении выпускнику соответствующей квалификации и, наконец, делопроизводственный штамп с датой 16 декабря 1930 г. и № 346 копии свидетельства. Почему возникло расхождение (1928 г. или 1930 г.)?

В книге «Знакомство с Китаем и китайцами» находим объяснение несоответствию. В начале 1928 г. студентам-китаистам объявили, что

их пребывание на факультете заканчивается к осени. К этому времени им следовало сдать зачеты по основным дисциплинам и получить направление на работу по специальности. «При существовавших в те годы порядках, – замечал М.И. Сладковский, – студенты могли сдавать зачеты за все прошедшие годы на четвертом курсе ..., причем разрешалось при согласии преподавателя и декана сдавать зачеты по незавершенному курсу лекций.

Так как у большей части выпускников многие зачеты были перенесены на осень, а основные экзамены по военным дисциплинам предстояло сдавать в 1929 году, никакого официального выпускного вечера на нашем факультете не было» [4, с. 123].

В августе 1928 г. прошло распределение на работу. М.И. Сладковский получил направление во Владивостокскую контору Дальгосторга, затем, в середине 1929 г. был призван в армию, в октябре того же года – откомандирован в распоряжение той же торговой организации и почти год работал в Китае, затем вновь служил в армии...

Понятно, что стремительно меняющиеся задачи, возлагавшиеся на М.И. Сладковского, отодвигали не только дату официального окончания университета, но получение документа о важном событии. Именно об этом говорит доверенность, написанная 26 июня 1932 г.: «Ввиду невозможности в настоящее время лично получить аттестат об окончании Восточного факультета Китайского отделения ГДУ прошу таковой выдать Александру Васильевичу Лысых. В чем и расписуюсь. Михаил Иосифович Сладковский» (РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 63).

Таким образом, воспоминания М.И. Сладковского значительно дополняются и уточняются, благодаря документам, извлеченным из фонда Дальневосточного университета в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (г. Владивосток). Данные исторические свидетельства позволили увидеть и оценить насыщенность студенческой жизни, стремление Михаила Сладковского, несмотря на многочисленные трудности и проблемы, получить высшее китаеведческое образование. Он выполнил поставленную задачу, а изучению Китая и китайского языка посвятил всю свою дальнейшую жизнь.

**Заявление Михаила Иосифовича Сладковского
в «Приемочную комиссию»
при Дальневосточном государственном университете**

Окончив в настоящий учебный год школу 2-й ступени, я был командирован укомом РКСМ и профсоюзом на педагогические курсы [в] гор[од] Хабаровск, по окончании которых службой просвещения командирован [в] гор[од] Владивосток на должность учителя школы-семилетки. Еще и раньше я имел желание продолжить образование, но заявление не мог подать своевременно потому, что так слагались обстоятельства. Теперь, живя во Владивостоке, имея материальную возможность, я прошу товарищей принять меня в качестве студента на факультет восточных языков. Я выходец из семьи пролетария. Свое образование, в школе 2-й ступени, получал перерывами (о чем могут свидетельствовать мои документы).

Желаю, товарищи, быть активным строителем коммунистического общества. При сем прилагаю следующие документы: свидетельство об окончании школы II-й ступени, членскую книжку РКСМ № 962, справку о моем производственном стаже и личную карточку от военкомата. Остальные д[окумен]ты обязуюсь представить в 2-х-недельный срок. 9 сент[ября] 1924 г.

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 18 –18-об.

Приложение 2

«Я ехал в Китай не отдыхать, а заниматься...»

Получив отпускное свидетельство для поездки в Китай на практику, я выехал в город Шанхай. Первое время, а именно в течение 1 ½ месяцев ушло исключительно на то, чтобы подыскать службу, устроиться на квартиру, подыскать сяньшэна², подыскать пособия и т. д. Служба была найдена, я приступил к усиленному занятию. Ежедневно я со словарем читал английскую газету. Занимался по дисциплинам китайского языка, по книге «The Mandarin Primary lessons». Работая в ТАСС, я старался собрать все возможные материалы по политико-экономическому положению Китая. Собрал до 100 фотографических снимков из жизни Китая. Словом, я ехал в Китай не отдыхать, а заниматься. Отпуск Университета кончился 1-го октября, но как было тяжело устроиться, так стало тяжело выбираться. Меня не сразу хотели отпустить. Уволили меня со службы только тогда, когда пришел советский пароход «Томск», а оттуда сняли на мое место моряка. Мне пришлось опоздать на один месяц. Прибыл во Владивосток 10 ноября. Уезжая в Китай, я не успел сдать одного зачета – английского языка, за что и был оставлен вами на повторный курс. Совершенно не протестуя против вашего постановления, я, тем не менее, должен заявить, что пользы особенной в своем оставлении я не вижу. Посещать II-й курс мне нет никакого смысла, ибо я в Китае усиленно занимался, и думаю, что знаю не меньше любого среднего студента III-го курса. Не посещать второго курса, а посещать III-й <...> значит выбыть механически из университета. Кроме того, в чисто формальных отношениях, как-то в получении стипендии оставление на повторный курс сильно стесняет. Поэтому я решил просить вас перевести меня на третий курс, тем более, что вчера мною был сдан последний зачет проф[ессору] Ливину [П.Ф.]³.

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-289. Оп. 2. Д. 1270. Л. 21–21об.

² Сяньшэн (先生) – учитель, человек, занимающийся преподавательской деятельностью.

³ Профессор Павел Федорович Ливин преподавал английский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Юе, Еланцева О.П. Академик М.И. Сладковский: становление китаеведа и его вклад в изучение Китая // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.). Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. С. 43–48.

2. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999.

3. Отчет Дальневосточного Государственного университета за 1926–1927 год. Владивосток: Типография ГДУ, 1928.

4. Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами. М.: Мысль, 1984.

5. Сладковский М.И. Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 4. С. 143–153.

6. Сладковский М.И. Шанхай, год 1926 // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 1. С. 163–179.

7. Текст интервью с Титаренко М.Л. // Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX – XXI вв. / под ред. В.Ц. Головачева. Т. 2. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 428–527.

8. Текст интервью с Тихвинским С.Л. // Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX – XXI вв. / под ред. В.Ц. Головачева. Т. 1. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. С. 350–366.

9. Хаматова А.А. Преподаватели и выпускники-китаеведы университета в 20–30-е годы прошлого века // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 47–67.

10. Э су чжунго сюэ шуоцэ (Справочник советского китаеведения). Т. 2. Пекин, 1986.

11. Бай Юньфэй. Сулянь чжунго сюэ яньцзю (Исследование советского китаеведения). Чанчунь: Цзилиньский университет, 2009.

REFERENCES

1. Wang Yue and Elantseva, O.P., 2018. Akademik M.I. Sladkovskiy: stanovlenie kitaaveda i ego vklad v izuchenie Kitaya [Academician Mikhail Sladkovsky: professional development of a sinologist and his

contribution to the Chinese studies]. In: Kul'turno-istoricheskoe nasledie Rossii i stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: issledovanie i sokhranenie: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. posvyashch. 100-letiyu vysshego ist. obrazovaniya na Dalnem Vostoke Rossii (Vladivostok, 16–17 oktyabrya 2018 g.). Khabarovsk, pp. 43–48. (in Russ.)

2. Dalnevostochnyi gosudarstvennyi universitet. Istoriya i sovremennost'. 1899–1999 [Far Eastern State University. History and present time. 1899–1999]. Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta, 1999. (in Russ.)

3. Otchet Dalnevostochnogo Gosudarstvennogo universiteta za 1926–1927 god [Report of Far Eastern State University for the 1926–1927 academic year]. Vladivostok: Tipografiya GDU, 1928. (in Russ.)

4. Sladkovsky, M.I., 1984. Znakomstvo s Kitaem i kitaitсами [Getting acquainted with China and the Chinese]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

5. Sladkovsky, M.I., 1979. Pervyi tsentr kitaavedeniya na Dalnem Vostoke i ego vypuskniki v 20-e gody [The first center for the Chinese studies in the Russian Far East and its graduates in the 1920s], Problemy Dalnego Vostoka, no. 4, pp. 143–153. (in Russ.)

6. Sladkovsky, M.I., 1976. Shangkhai, god 1926 [Shanghai, 1926], Problemy Dalnego Vostoka, no. 1, pp. 163–179. (in Russ.)

7. Tekst interv'yū s Titarenko M.L. [The text of interview with M.L. Titarenko]. In: Rossiiskoe kitaavedenie – ustnaya istoriya. Sbornik interv'yū s vedushchimi rossiiskimi kitaavedami XX – XXI vv. T. 2. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 2015, pp. 428–527. (in Russ.)

8. Tekst interv'yū s Tikhvinskim S.L. [The text of interview with S.L. Tikhvinsky]. In: Rossiiskoe kitaavedenie – ustnaya istoriya. Sbornik interv'yū s vedushchimi rossiiskimi kitaavedami XX – XXI vv. T. 1. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 2014, pp. 350–366. (in Russ.)

9. Khamatova, A.A., 2014. Prepodavateli i vypuskniki-kitaavedy universiteta v 20–30-e gody proshlogo veka [Teachers and graduates specializing in sinology in the Far Eastern University in the 1920s – 1930s]. In: Puti razvitiya vostokovedeniya na Dalnem Vostoke Rossii. Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta, pp. 47–67. (in Russ.)

10. 俄苏中国学手册 [A handbook of the Russian and Soviet studies of China]. Vol. 2. 北京, 1986 (in Chinese)

11. 白云飞, 2009. 苏联中国学研究 [Soviet studies of China]. 长春: 吉林大学. (in Chinese)